

Tolusakow Ssergei Alexandrowitsch. "Auf den Kriegsfelden in der Mandschurei—
Rußland nach dem Kriege". (Autor - Korrespondent der "St.Petersburger Zeitung" und
der "Neuen Zeit"). St.Petersburg, 1906, Ss. 25-66, 90-133.

110/507

И 330
67

16.11.12

С. А. Толузановъ.

9-6

На поляхъ Манчъжуріи
и въ Россіи послѣ войны.

Издатель В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.

1906.

влѣтала толпа голодныхъ пассажировъ и чуть-ли не вырывая другъ у друга стулья и мѣста, торопливо уничтожала не первой свѣжести припасы. 1 или 2 лакея, конечно, не могли всюду поспѣвать, а потому болѣе предприимчивые изъ публики отправились за ѣдой сами на кухню.

За станціей Сохоновой поѣздъ пересѣкъ Яблоновый хребетъ и сталъ спускаться внизъ. Я вышелъ на площадку, чтобы полюбоваться видомъ. А любоваться дѣйствительно есть чѣмъ!

Опять громадныя горы, но уже залитыя луннымъ свѣтомъ. Отчетливо рисуются края ихъ вершинъ на свѣтломъ фонѣ неба. Сверху сверкаютъ звѣзды своимъ неровнымъ, мерцающимъ свѣтомъ... Словно томятся они среди необъятнаго простора... Внизу чернѣютъ лѣса.

Вдругъ сразу исчезла изъ глазъ волшебная декорация и на нѣсколько секундъ стало совершенно темно: мы проѣзжали туннель.

Движеніе отряда Ренненкампа на югъ.

По прибытіи въ Ляоянь я узналъ, что 21 апрѣля выступаетъ въ гору на выручку нашего батальона отрядъ Ренненкампа. Беру коня и скачу въ деревню Шахе, въ 20 верстахъ отъ Ляояля, гдѣ находился штабъ дивизіи, чтобы узнать подробности и направленіе марша.

На дорогѣ встрѣчаю казачьяго офицера съ желтымъ околышемъ.

— «Скажите, сотникъ, какъ проѣхать въ штабъ генерала Ренненкампа?» обращаюсь я къ нему, сдерживая коня.

— «Да я самъ туда ѣду; могу васъ проводить, если угодно».

— «Будьте любезны, а то немного сбился съ пути я... А вы навѣрно другого отряда», спрашиваю его, замѣтивъ на погонахъ 1 ар. п. (1 аргунскій полкъ)».

— «Это у меня еще старые погоны, а я въ

дивизіи «стремительнаго» генерала Ренненкампа», съ гордостью отвѣчалъ казакъ. — А вы еще его не знаете?»

— «Читалъ о его удачныхъ походахъ въ китайскую войну, но лично съ нимъ не знакомъ».

— «Вотъ вы всё такъ разсуждаете тамъ въ Петербургѣ...» «удачные походы», — передразнилъ онъ съ досадою — «а вы спросите насъ, кто съ нимъ былъ въ бою, что это за лихое, отчаянно смѣлое было движеніе все впередъ и впередъ».

— «Но позвольте, я и не отрицаю его храбрости: два Георгія нельзя получить даромъ», возразилъ я.

— «Ну, знаете, храбростью насъ казаковъ особенно не удивишь; а его главная заслуга въ томъ, что онъ однимъ изъ первыхъ понялъ, что такое китайцы и какъ съ ними нужно драться. Азіаты уважаютъ дерзость и смѣлость. Даже въ разговорѣ, если вы съ нимъ говорите, какъ съ равнымъ, любезно, онъ держится съ вами нахаломъ, но попробуйте съ нимъ говорить въ повелительномъ тонѣ и картина сразу измѣнится: онъ будетъ глубоко убѣжденъ, что нужно повиноваться, такъ какъ значить за вами сила, разъ вы приказываете, а не просите.

У васъ тамъ удивляются тому, что китайцы такъ

легко уступали позиціи, города и т. д. Ренненкампу, да въ томъ-то и дѣло, что они видѣли смѣлость, если хотите, даже дерзость, которая ихъ гипнотизировала и заставляла удесяттерять небольшой отрядъ генерала.

— «Но все таки это былъ рискъ, не подождать прибытія болѣе крупныхъ силъ на театръ военныхъ дѣйствій, съ которыми можно было бы идти навѣрняка», перебилъ я сотника...

— «Ждать прибытія, сосредоточенія войскъ и дать время опомниться другимъ державамъ, которыя, пожалуй, сами не прочь были бы оттягать Манджурію, если не всю, то хоть часть ея, такъ вы излагаете было бы лучше?»

Однако ¹⁾ и штабъ, да такъ и есть, промолвилъ онъ, осаживая жеребца около порога фанзы, на которой развѣвался небольшой флагъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ часовой.

Мы слѣзли съ коней, передавъ ихъ вѣстовымъ и вошли въ штабъ.

Грязная, закопченная фанза была полна офицерами. Кто сидѣлъ на канахъ, кто просто на камъ-нибудь ящикѣ и весело болтали съ высокимъ

¹⁾ Т. е. кажется.

полнымъ генераломъ, одѣтымъ въ простую гимнастерку безъ пояса. Я представился и заговорилъ по поводу корреспонденцій.

— «Пишите все, что будете видѣть въ моемъ отрядѣ на походѣ, даже если что-нибудь и неприятное для меня, въ этомъ отношеніи я васъ со-

Въ заставѣ.

всѣмъ стѣснять не буду, за исключеніемъ общихъ правилъ, обязательныхъ для всѣхъ корреспонденцій, а теперь милости просимъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ».

За болѣе, чѣмъ скромной трапезой всѣ ожи-

вленно [разговаривали по поводу завтрашняго выступления.

Чувствовалось полное отсутствіе принужденности и натянутости между генераломъ и офицерами. Многие изъ оберъ-офицеровъ даже обращались къ нему на «ты».

Обѣдъ конченъ.

— Теперь господа пора и поработать, — проговорилъ генераль.

Смѣхъ и шутки прекратились моментально; офицеры съ серьезными, внимательными лицами окружили своего начальника.

Я распрощался и поѣхалъ домой, чтобы приготовиться къ походу.

21 апрѣля, дер. Холан-чоу. 9 ч. в.

Немного труднѣе писать послѣ 12 часовъ, проведенныхъ на лошади, однако беру по привычкѣ въ руки карандашъ и сажусь въ сараѣ.

Свѣчку то и дѣло тушить врывающійся въ щели вѣтеръ. Рядомъ слышится богатырскій храпъ со свистомъ, спящихъ на соломѣ офицеровъ.

За стѣнкой раздается конское ржанье.

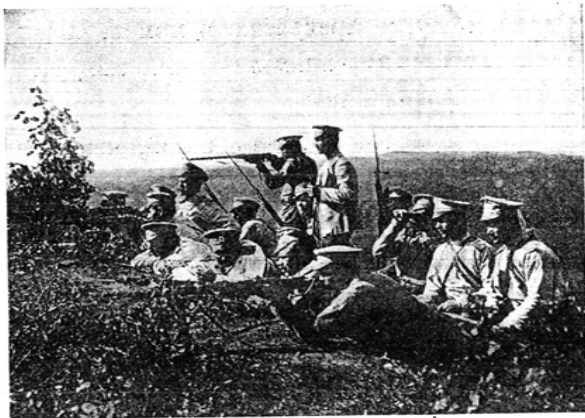
Вотъ гдѣ-то не вдалекѣ сорвалась съ наповязи лошадь и вноситъ суматоху на бивуакѣ.

— Не моя-ли?—выглянулъ изъ сарая я.

Эка красота какая! Словно очарованный смотришь на дивную понараму горъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ.

Внизу въ лощинѣ сверкаютъ огни костровъ — это «чаюють» казаки.

Легкой дымкой ложится туманъ по рѣкѣ. Пора и работать. Завтра въ 5 часовъ утра выступаемъ.

„Въ передовомъ окопѣ“.

Хочется подробно описать этотъ форсированный маршъ по скалистымъ горамъ, но мало времени. Изъ дивизіи пошли только два казачьи полка, 4 ка-

зачья конная батарея, прочіе остались въ Ляоянѣ. Войска порядочно утомились, благодаря крутому перевалу Ши-Мынь-Липъ.

Вообще переходъ былъ довольно таки трудный, но меня утѣшаютъ тѣмъ, что завтра дорога будетъ еще хуже.

22 апрѣля, 10 ч. вечера.

Весь день дождь лилъ какъ изъ ведра, дороги размыло окончательно.

Подойдя къ перевалу Янцзы-линъ я немного усомнился въ возможности прохода артиллеріи.

Передо мной высились крупныя скалистыя горы... вверхъ вилась загагами узкая дорога.

Внизу стояла сплошная каша грязи, въ которой чмокая, вязли ноги лошадей и колеса выше оси.

Орудійныя лошади, спотыкаясь и обрываясь, взбираются на перевалъ; и наконецъ, выбившись изъ силъ, останавливаются и пушки начинаютъ тянуть ихъ назадъ.

— «NN къ колесамъ! Подложите камни», раздается команда батарейнаго офицера.

Люди впрягаются вмѣстѣ съ лошадьми и общими усилиями тянутъ вверхъ.

Немного осталось до вершины...

«Ну, братцы, валай!»—слышится чей-то голос и какой-то офицер артиллеристъ хватается за ляжку.

Красныя, потныя лица казаковъ, съ раздувшимися жилами на лбу выражаютъ полную готовность отдать послѣднія силы.

Отчаянное усиліе людей и лошадей и орудія втянуты на вершину. На минуту остановились передохнуть.

Высоко поднимаются усталыя груди людей, тяжело хрипя дышать они.

Несмотря на холодный, рѣзкій вѣтеръ потъ градомъ льется съ казаковъ.

— «Ну... слава Богу», слышится рядомъ чей-то голосъ.

— «Тормозить колеса!» раздается опять команда и орудія медленно, осторожно сползаютъ внизъ.

А дождь все льетъ и льетъ.

На другой день въ Лянь-шань-чуанѣ мы впервые ѣли горячую пищу въ ресторанѣ на этапѣ № 3.

Какой-то предприимчивый кавказецъ открылъ буфетъ и кормить хотя и горячей, но довольно отвратительной пищей.

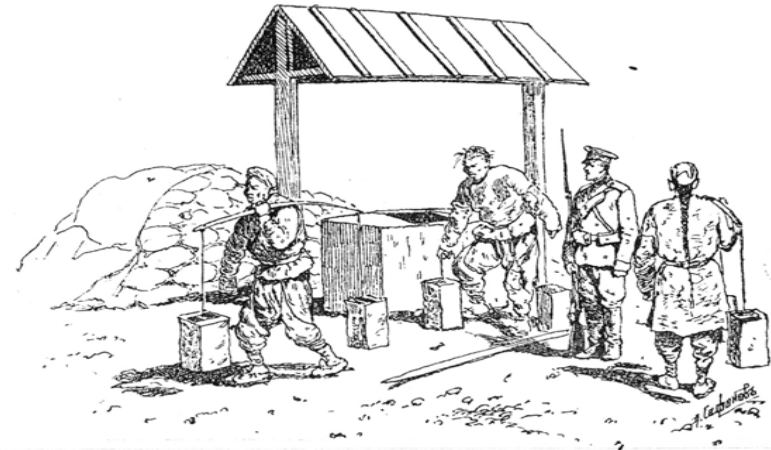
Послѣ привала двигаемся дальше на востокъ.

По сторонамъ дороги разбиты палатки летучаго

отряда Краснаго Креста, въ которыхъ лихорадочно работаютъ сестры.

Только что прибылъ транспортъ въ 500 человекъ раненыхъ въ бою 18 апрѣля на Тюренченской позиціи.

На встрѣчу тянутся новыя двуколки съ ранеными... одна, другая, третья... теряешь счетъ.

Охрана колодца.

Медленно двигаются двуколки, глухо подпрыгивая на камняхъ своими колесами.

Блѣдныя, измученныя долгой дорогой, лица раненыхъ... лихорадочно блестящіе глаза устремляются вверхъ, какъ бы съ укоромъ.

Вотъ раненый офицеръ, еще совсѣмъ молодой.

— «Вы какого полка» — спрашиваю его.

— «11 *) восточно-сибирск. стрѣлковаго. У насъ большія потери, командиръ полковникъ Леймингъ, 9 человекъ ротныхъ командировъ, 26 офицеровъ, 873 человека убитыхъ. Даже 16 музыкантовъ было изъ строя. Мы вѣдь съ музыкой нѣсколько разъ ходили въ атаку, но противъ 3 дивизій ничего не подѣлаешь, когда всего было 3 полка 12, 11 и 22 вост.-сибирск. стрѣлк.

Въ концѣ транспорта везутъ раненаго священника 11 полка.

Онъ шелъ съ крестомъ впереди полка; пуля ранила въ руку, онъ уронилъ распятые, но сейчасъ-же поднялъ его въ другую и пошелъ дальше на встрѣчу японцамъ.

— «Правда-ли, что орудія отняты у батареи, — спрашиваю у раненаго офицера въ артиллерійской фуражкѣ.

— «Да, я изъ батареи Моравскаго. Мы попали подъ растрѣль пѣхотѣ въ разстояніи 400 шаговъ, которая появилась внезапно на лѣвомъ флангѣ; противъ нихъ Моравскій отправилъ полубатарею, которая на его глазахъ была разстрѣляна въ нѣсколько

*) Одинъ изъ славныхъ В.-С. полковъ.

мгновеній ружейными залпами, осталось всего 3 человека.

Я видѣлъ, какъ раненый Моравскій схватился за голову и зарыдалъ, въ эту минуту пуля сразила его на повалъ.

Почти всѣ люди и лошади были перебиты и пушки... — Не докончилъ, слезы хлынувъ изъ глазъ, помѣшали досказать...

Судорожно вздрагиваютъ отъ рыданья плечи раненаго.....

Развѣдка Куаньдяняня.

Вечеромъ 25 апрѣля отрядъ генерала Ренненкампа прибылъ въ селеніе Саймадзы.

Здѣсь было получено донесеніе, что городъ Куаньдяняня занятъ японскимъ отрядомъ, изъ трехъ родовъ оружія, силы же противника не были опредѣлены развѣздами.

Между тѣмъ появленіе японцевъ у Куаньдяняня имѣло громадное значеніе, такъ какъ указывало на ихъ желаніе обойти нашъ лѣвый флангъ и двинуться на Мукденъ. Несомнѣнно, что все это требовало немедленнаго и полнѣйшаго выясненія силъ непріятеля, направленія движенія и его цѣли.

Поэтому на другой день въ 1 ч. утра генераль Ренненкампфъ съ казачьими полками и 4 казачьей батареей выступилъ для усиленной рекогносцировки Куань-дан-сяня.

Чтобы имѣть полное представленіе о тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ очутился отрядъ, я коснусь *большаго* вопроса о продовольствіи людей и лошадей.

Если солдаты будутъ сидѣть на однихъ сухаряхъ, а лошади—только изрѣдка, ввидѣ большаго лаком-

Батарея на позиціи за переваломъ Чан-линъ.

ства, получать солому, то какъ тѣ, такъ и другіе могутъ въ одинъ непрекрасный день оказаться не въ силахъ выполнить своего назначенія. *C'est simple comme bonjour!*

Уже начиная съ Саймадзы войскамъ съ трудомъ и въ небольшомъ количествѣ удавалось раздобыть чумизы (соломы) для лошадей и для себя китайскихъ лепешекъ на отвратительномъ бобовомъ маслѣ.

Ни коровьяго масла, ни сыру, ни молока, ни хлѣба ни даже самыхъ коровъ и быковъ здѣсь не встрѣтишь.

Манзовскія коровы, благодаря работѣ на нихъ, почти совсѣмъ не даютъ молока, да кромѣ того китайцы съ приближеніемъ войскъ угоняютъ весь скотъ въ горы.

Только голодныя собаки уныло бродятъ по деревнямъ.

Не только казаки но и офицеры были не въ лучшихъ условіяхъ продовольствія: консервы всѣ уже вышли, да ихъ немного и было съ собой, такъ какъ нельзя черезчуръ навьючить багажемъ одну лошадь.

Трава тоже почти не растетъ на каменистой почвѣ горъ, а если гдѣ и попадаетъ земля, то она вся распахана, но... не засѣяна, благодаря войнѣ.

Такимъ образомъ послѣдніе зимніе запасы выйдутъ скоро, наступитъ жаркое лѣто, наступитъ и голодь.

Я не говорю про всю Маньчжурию, а только про юго-восточную часть ея, которая въ данное время занята русскими и японскими отрядами. О трудности движенія большихъ отрядовъ съ артиллеріей въ этомъ районѣ нечего и говорить — стоитъ только

Въ цѣпи.

взглянуть на карту Южной Маньчуріи (масштабъ 20 верстъ въ 1 дюймѣ).

Но возвращаюсь къ дѣйствию отряда генерала Реннекампа.

Съ трудомъ перебравшись черезъ перевалъ Синькай-линь, войска спустились въ долину рѣки Ай-хэ.

Сумерки быстро наступили. Становилось уже прохладно...

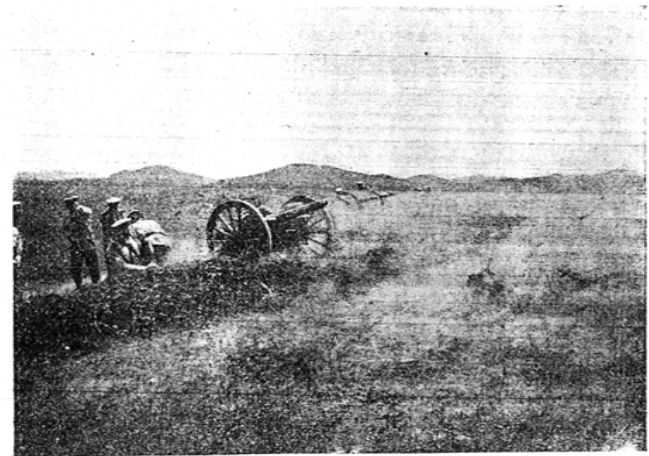
Отъ неуспѣвшей еще остыть почвы подымался туманъ, легкой дымкой обвившій далекія горы.

Нѣжно, словно лаская, заволакивалъ онъ ихъ отъ нашихъ глазъ, вотъ наконецъ онѣ и совсѣмъ скрылись.

А вверху загорались звѣзды, мерцая колеблющимся свѣтомъ.

Пора было и отдохнуть.

Усталые кони, спотыкаясь о громадныя камни,

Бѣглый огонь!!

медленно брели впередъ, съ каждымъ шагомъ кивая головами.

Впереди изъ мрака выступало что-то высокое,

громадное. Чиркнулъ спичку, чтобы взглянуть карту — переваль Чанъ-линъ.

— Неужели ночью будемъ переправляться черезъ него, — мелькаетъ въ головѣ, — вѣдь это невозможно!

Однако «невозможное стало возможнымъ».

Передохнувъ немного у подошвы, войска стали подыматься въ гору около 9 часовъ вечера, а спустились по другую сторону въ 7 ч. утра, пройдя всего 2 версты; артиллерія прямо-таки изнемогла.

Падали обезсиленные лошади, впрягались люди и тащили съ невѣроятнымъ трудомъ вверхъ орудія до первой попавшей площадки, гдѣ въ изнеможеніи ложились на землю. На смѣну имъ являлись другіе.

Дороги не видать совершенно, двигаешься инстинктивно, или высылаешь впередъ нѣсколько спѣшенныхъ казаковъ, которые голосомъ предупреждаютъ о поворотахъ, изгибахъ и обрывахъ.

— Ну, еще немного, братцы! — слышится голосъ командира батареи, — сейчасъ и конецъ.

— Какъ конецъ? Вѣдь еще, кажется, порядочно осталось? — спрашиваю его.

— Молчите объ этомъ, — хватаетъ онъ меня за руку, — вѣдь тогда не подымешь ихъ.

— Дышло влѣво, съ правой стороны дороги, обрывъ! гдѣ-то впереди кричитъ казакъ-развѣдчикъ.

Какой-то подозрительный шорохъ, и нѣсколько камней покатались внизъ.

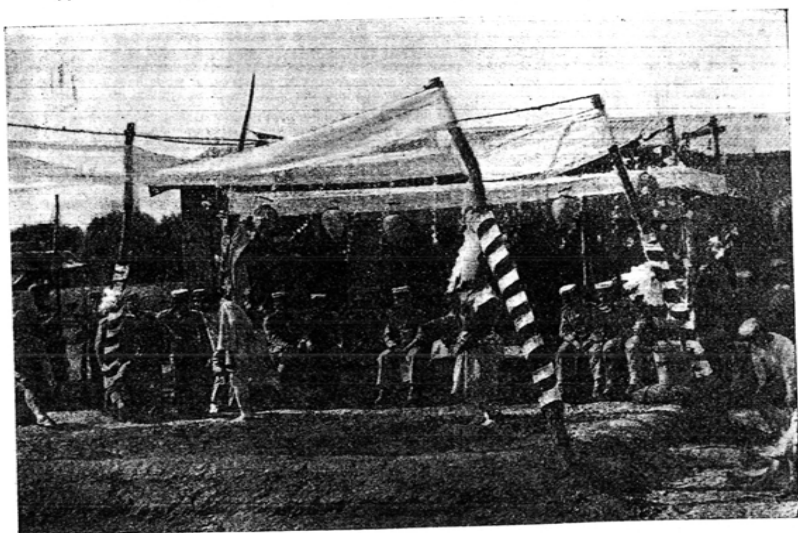
Японскій развѣздъ въ Куандяньсянѣ.

— Ахъ, чортъ возьми! чуть было не свернулъ себя шею! Слышите, какъ долго катятся камни? — обратился ко мнѣ офицеръ-артиллеристъ. — Вы, навѣрно, знаете, что каждое лѣто въ Красномъ Селѣ въ лагеряхъ устраивается состязательная ѣзда орудій.

Въ землю втыкають рядъ кольевъ такимъ образомъ, чтобы получилась цифра 8.

Орудіе, сдѣлавшее восьмерку и не задѣвшее ни одного кола, получаетъ призъ.

Штабъ японскаго отряда передъ Куандянсьянемъ.

Вотъ если-бы они здѣсь попробовали проѣхать, гдѣ малѣйшая неосторожность и все орудіе тремя уносами полетитъ внизъ. Это, я думаю, было-бы потруднѣе, за то и призъ большой—цѣлость и невредимость своей головы», — добавилъ онъ, вытирая платкомъ вспотѣвшій лобъ.

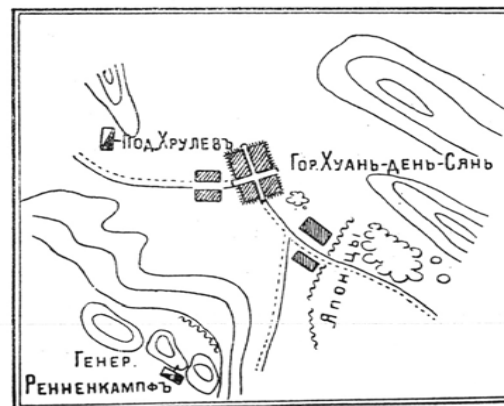
На самой вершинѣ стоитъ маленькая часовня-кумирня.

Измученный тяжелой дорогой я присѣлъ около нея на камнѣ и въ ту же минуту почувствовалъ, что начинаю засыпать—такъ велика была усталость.

Уже начинало свѣтать, когда мы спустились къ деревнѣ Шао-го.

Сотни значительно раньше перевалили черезъ Чанъ-линъ и отдыхали въ деревнѣ.

Схема перестрѣлки у г. Хуань-день-сяня.

Оставивъ артиллерію и нѣсколько сотенъ, генералъ Ренненкамфъ двинулся съ отдохнувшими тремя сотнями на Куань-дзян-сянь.

Еще раньше были высланы 3 сотни въ разѣздѣ, которыя, пройдя городъ съ разныхъ сторонъ, донесли, что пока японцевъ не видно.

Приближаясь къ городу, сотни замѣтили длинный шестъ съ бѣлымъ флагомъ, которымъ сигнализировали китайцы, давая знать о приближеніи русскихъ войскъ японцамъ.

Моментально ко всѣмъ воротамъ были выставлены караулы, съ приказомъ никого не выпускать.

Генераль потребовалъ владѣльца дома, у котораго стоялъ сигнальный шестъ.

Объясненіе данное китайцемъ было болѣе чѣмъ неосновательно, за что послѣдняго выпороли и объявили жителямъ черезъ тифангуана о наказаніи, которое послѣдуетъ всѣмъ предупреждающимъ японцевъ.

Вскорѣ показалась непріятельская кавалерія, которая, по обыкновенію, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ ушла за свою пѣхоту.

Послѣдняя перешла въ наступленіе.

Сотни заняли южную окраину города въ смѣшанномъ строю и прекрасную стрѣлковую позицію лѣвѣе города, а въ конномъ—за вершинкой къ сѣверо-западу отъ города, чтобы ударить во флангъ непріятельской пѣхотѣ.

Японцы дали 4 залпа, результатами которыхъ было нѣсколько раненыхъ лошадей и 1 казакъ.

Въ это время получается донесеніе, которое потомъ оказалось невѣрнымъ, что насъ обходить справа дивизія пѣхоты.

Это испортило все дѣло.

Казакъ, отстрѣливаясь, началъ отступать въ полномъ порядкѣ.

Японцы заняли городъ и не преслѣдовали нашихъ, которые на другой день вернулись въ Саймадзы.

Таковы результаты первой рекогносцировки.

Усиленная рекогносцировка вдоль р. Бадаохэ отъ м. Самайдзы по направленію къ Фынхуанчену.

2-го мая въ 7 ч. утра небольшой отрядъ выступилъ изъ деревни Саймадзы подъ начальствомъ генерала Ренненкампа и тронулся вдоль рѣки Бадаохэ по дорогѣ на г. Фынхуанченъ. Причиной этого движенія было желаніе выяснить силы и мѣсто расположенія противника въ долинѣ вышеупомянутой рѣки.

По дорогѣ получили нѣсколько донесеній нашихъ разъѣздовъ, что непріятель находится въ 10—15 верстахъ, генераль рѣшилъ во что бы ни стало двинуться на встрѣчу противнику.

Но японцы все время ускользали, пользуясь гористой, пересѣченной мѣстностью.

И вотъ начался 14-часовой маршъ, безъ передышки, корма лошадей и людей.

Какъ страстный охотникъ, напавшій послѣ долгаго исканія на слѣдъ выслѣживаемаго звѣря, забываетъ иногда даже про ѣду, такъ и генераль Ренвенкампфъ на всѣ напоминанія объ «генеральскомъ часѣ» и т. п., упорно молчалъ.

Волей-неволей пришлось и намъ поголодать. Послѣдніе лучи заходящаго солнца скрылись за горами, обливая кроваво-красноватымъ свѣтомъ ихъ вершины.

Становилось холодно и сыро.

Скоро и ночь, темная, непроницаемая, спустилась на землю.

Рѣшено было расположиться на ночлегъ у деревни *Уандзятуцзы*.

Запылали костры и казачки усѣлись чаевать.

Небольшая роща, на берегу рѣки, гостепріимно пріютила насъ, усталыхъ и голодныхъ.

Верхушки деревьевъ, переплетаясь между собой

вѣтвями, образовали надъ нашими головами темно-зеленый сводъ, слабо освѣщенный пламенемъ костровъ.

Теплый вѣтерокъ лѣнливо, словно нехотя, шелестилъ листья деревьевъ, которыя тихо вели между собой интересный разговоръ.

Порой шумъ и голоса казаковъ заглушали ихъ шопотъ, лишая меня возможности слушать.

А деревья удивлялись людямъ: вчера тоже ночевали на этомъ мѣстѣ пришельцы Востока, маленькіе, узкоплечіе, съ желтыми лицами, очень похожими на тѣхъ постоянныхъ обитателей дѣвственныхъ лѣсовъ, про которыхъ имъ рассказывали осенью перелетныя птицы.

И когда вчера показались вдали эти странныя существа, листья жалобно зашептались между собой, боясь за свою жизнь, а старья, крѣпкія деревья тщетно старались увидѣть у каждаго изъ пришельцевъ сзади большой гибкій отростокъ, которымъ они такъ цѣпко захватываются за вѣтви.

Изъ деревни имъ на встрѣчу робко вышла депутація мѣстныхъ жителей съ подношеніемъ, которое маленькія существа, выдающія себя за людей по преимуществу, гордо приняли...

Они не полѣзли на деревья, а привязали къ

нимъ своихъ большихъ, красивыхъ лошадей и улеглись на землѣ...

На другой день они вдругъ всполошились, съ трудомъ повлѣзали на коней и ускакали на востокъ.

А съ запада подвигались большіе, бородатые люди, въ мохнатыхъ шапкахъ, на маленькихъ, уродливыхъ лошадкахъ.

Та же вчерашняя депутація встрѣтила ихъ съ западной стороны деревни, съ выраженіемъ преданности и покорности.

— Какъ мало они имѣютъ общаго со вчерашними пришельцами, шумѣли старья дерева.

— Представьте себѣ, солидно возразилъ старый дубъ, — когда вчера первые тащили изъ деревни скоть и фуражъ, люди съ длинными косами падали на колѣна, подымая руки кверху, между тѣмъ какъ сегодня жители весело показывали другъ другу какіе-то маленькіе, блестящіе кружочки, и даже сами приводятъ быковъ...

— Батенька мой, да вы, кажется, успѣли задремать—слышу около себя голосъ моего пріятели поручика-артиллериста.

— Да, немного. А тутъ еще какая-то ерунда приснилась...

— Подсаживайтесь къ огоньку, у насъ сегодня праздникъ, купили барашка и приготовимъ такой шашлыкъ, что пальцы оближете.

У костра уже сидѣло и лежало трое офицеровъ-артиллеристовъ и двое полковыхъ; одинъ изъ нихъ вертѣлъ надъ угольями длинную, тонкую палку, на которой были нанизаны маленькіе кусочки баранины.

— А ты, Петя, кажется походную кровать захватилъ съ собой?

— Да, но совершенно напрасно, такъ какъ разставлять ее не буду.

— Почему-же?

— Неудобно какъ-то. Посмотри, даже нашъ генераль спать прямо на землѣ, покрывшись только буркой...

— Кстати, господа, вы знаете, что завтра мы навѣрно сразимся съ японцами, это сейчасъ генераль говорилъ начальнику штаба полковнику Р.; вѣдь онъ только что вернулся и привелъ съ собой 4 сотни аргунскаго полка.

— Ну, слава Богу, значить ему удалось установить связь съ бригадой Карцова, всетаки нашего полку прибыло.

Скоро поспѣлъ и шашлыкъ, который дѣйствительно оказался превосходнымъ, особенно послѣ

14-ти-часоваго ничегонеѣденія. На время разговоръ прекратился, такъ какъ всѣ были заняты ѣдой.

За чаемъ бесѣда снова возобновилась.

— А не боитесь, что завтра васъ подстрѣлятъ японцы?— обратился молодой артиллерійскій офицеръ къ худощавому брютету, подьесаулу въ какой-то фантастической формѣ.

— Чему быть, того не миновать,—немного рисуясь, отвѣтилъ тотъ.

— Кто боится, что его убьютъ, тому и ѣхать на войну, по моему, не слѣдуетъ,—добавилъ сотникъ мрачнаго вида.

— Будемъ откровенны, господа, вѣдь у каждого подъ выстрѣлами заговорить подлый инстинктъ самохраненія. Разница между храбрымъ и трусомъ только въ томъ, что у перваго самолюбіе больше, чѣмъ у втораго, которое не позволитъ человѣку бѣжать назадъ,—вставилъ все время молчавшій есауль-артиллеристъ.

Со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія.

— Ну, а я не японцевъ боюсь, а именно инстинкта самохраненія: вдругъ не выдержу, когда будутъ кругомъ меня падать пули, и покажу тыль... нѣтъ, ужъ лучше смерть, только не позоръ! — проговорилъ конфузливо молодой артиллеристъ.

Гдѣ-то на другомъ берегу раздалась пѣсня, грустная, тоскливая...

Только жалко, словъ не разобрать.

Да пожалуй и не надо—и такъ понятно.

Тихо, слегка вибрируя, звучитъ голосъ пѣвца... словно жалуется на что-то...

Вотъ промелькнули нѣжныя, ласкающія нотки, которыя затѣмъ смѣнились звуками мольбы о пощадѣ...

Нѣтъ, это уже не мольба о пощадѣ, а безысходное отчаяніе, всецѣло охватившее человѣка, у котораго сердце разрывается на части отъ невыносимой боли...

Все громче и громче льется пѣсня, и слышится въ ней то какое-то негодованіе, то рядъ мучительныхъ вопросовъ, накапливающихъ все съ большей и большей силой и разрѣшающихся въ новые вопросы безъ отвѣта и успокоенія...

Вотъ опять пѣсня начала стихать...

Медленно, чуть слышно замѣрли послѣдніе звуки въ воздухѣ, словно угасшая лампада.

Молча сидѣла наша компанія, невольно подавшись обаянію пѣсни.

Слабое, колеблющееся пламя потухающаго костра чуть замѣтно освѣщало лица офицеровъ.

И можетъ быть не одинъ изъ нихъ въ эту минуту вспомнилъ милыхъ его сердцу, оставленныхъ за нѣсколько тысячъ верстъ... Думаютъ-ли они теперь о насъ, чувствуютъ-ли, какъ близки къ смерти дорогіе имъ люди?

Или, отдавшись удовольствіямъ веселой жизни, успѣли уже позабыть о нашемъ существованіи?

И если у кого-нибудь при этихъ мысляхъ болѣзненно заняло сердце, то не бросимъ имъ упрека въ отсутствіи храбрости и лихости, потому что завтра въ бою они первыми пойдутъ въ огонь, служа примѣромъ нижнимъ чинамъ.

Такъ было, по крайней мѣрѣ, при Куанъ-дьянь-сянѣ.

Не далеко послышался шорохъ шаговъ, который заставилъ меня обернуться назадъ.

Къ костру приближался со стороны рѣки шт.-капитанъ Н.

— А! Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ!

— Николай Сергѣевичъ, садись сюда.

— Спасибо, голубчикъ, за пѣніе!

Раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія.

Пришедшій, молча, усѣлся у костра, закуривъ папиросу.

Меня давно уже интересовалъ этотъ странный человѣкъ, спокойный, улыбающійся во время боя, готовый идти, какъ будто даже съ удовольствіемъ, въ самое опасное мѣсто и часто грустный, задумчивый въ обыкновенной обстановкѣ.

— Пора, пожалуй и на боковую, а то завтра рано вставать, — сказалъ мрачный есаулъ, подымаясь съ земли.

Всѣ стали разстилать свои бурки.

Растревоженный воспоминаніями, я не могъ заснуть, не смотря на усталость, и отправился бродить по роцѣ.

Бивакъ спалъ, за исключеніемъ часовыхъ, зорко всматривающихся вдаль, откуда могла грозить опасность.

Спалъ и генералъ Ренненкампфъ на землѣ, завернувшись въ бурку.

Только на лѣвомъ флангѣ еще сидѣли 3 казака и продолжали чаевать.

Я подошелъ къ нимъ сзади.

— Не-е, паря, японецъ тоже шибко храбрый, — говорилъ пожилой урядникъ съ георгіевскимъ крестомъ молодому казачку съ простоватымъ, добродушнымъ лицомъ.

— Ну, фуражки, ты сказываешь, адали ¹⁾ нашихъ, съ желтымъ околышемъ, — допытывался казачекъ.

— Да, но камолые ²⁾, какъ вотъ у нашихъ пріѣзжихъ россейскихъ офицеровъ, — отвѣтилъ тотъ.

Замѣтивъ меня, казаки было стали подыматься.

Мнѣ хотѣлось узнать, что думаютъ и чувствуютъ наканунѣ боя эти простые, безхитростные люди.

¹⁾ Вродѣ.

²⁾ Прусскаго образца.

Понемногу мы разговорились, пока не касаясь того, что меня интересовало.

— А не страшень вамъ... братцы, японецъ?— обратился я къ уряднику, какъ къ болѣе разитому и толковому изъ нихъ.

— Не знаемъ мы его, ваше благородіе только при Киндинсянѣ и сразились съ нимъ. Перво-очередные разказываютъ, что, моль, мѣтко стрѣляетъ онъ.

— А правда, ваше благородіе, что нашихъ разбили у Тюринчена? — вмѣшался другой казакъ, который все время внимательно меня разсматривалъ.

— Ну, а ты какъ полагаешь?

— Думаю... врутъ, ваше благородіе, — бойко отвѣтилъ тотъ, — мало ли, что между собою понусту собирають ¹⁾ казаки.

— А вы поменьше вѣрьте разнымъ слухамъ, станичники, и помните, что «не такъ страшень чортъ, какъ его малюють».

— Такъ точно! — весело отвѣтили хоромъ казаки.

Я распрощался и отправился спать.

Брезжилъ разсвѣтъ, когда, наконецъ, мнѣ удалось заснуть.

¹⁾ Сплетничаютъ.

Но и во снѣ мозгъ продолжалъ лихорадочно работать.

Мнѣ снилось именно то, отъ чего въ дѣйствительности я былъ такъ страшно далекъ, а можетъ быть и не только мнѣ одному снилось?

Передъ мной, словно изъ тумана, все яснѣй и яснѣй выступалъ дорогой для меня образъ.

Кругомъ была та-же обстановка, что и наканунѣ моего отъѣзда на войну.

— Ёдешь?— скорѣй угадалъ я по движенію поблѣднѣвшихъ губъ, чѣмъ услыхалъ: такъ тихо было произнесено это слово; и глаза съ мольбой и тревогой, вопросительно устремились на меня.

— Да... — говорю съ трудомъ и едва самъ узнаю свой голосъ.

Ни слезъ, ни рыданій, ни упрековъ! Только судорога промелькнула на миломъ для меня лицѣ, да словно тѣни легли подъ глазами...

— Такъ нужно, родная, — добавляю, и чувствую, какъ внутри что то порвалось...

.
— Ваше бл—діе! Вставайте: тревога, впереди слышно, что уже стрѣляютъ! — тормошилъ меня вѣстовой.

Сна, какъ не бывало.

Вскакиваю съ бурки, не замѣчая, что весь мой правый бокъ мокрый.

«Говорилъ вамъ, чтобъ не ложились подъ горой, вотъ и вымокли», замѣтилъ укоризненно есауль А., затыгиваясь изъ длинной китайской трубки.

Вдали гдѣ-то грохотали выстрѣлы.

«Что, наступаютъ?» — спрашиваю есаула.

«Да, кажется, разѣзды японскіе наткнулись на наши», отвѣтилъ тотъ.

Казаки торопливо подтягивали лошадямъ подпруги и приторачивали къ сѣдламъ шинели.

Артиллеристы вели бѣгомъ замунченныхъ лошадей къ передкамъ.

Другіе снимали чехлы съ дула орудія и прицѣла.

Третьи бережно собирали оставшуюся солому и несли къ заряднымъ ящикамъ.

Было 7 ч. 30 м. утра, когда отрядъ двинулся на встрѣчу противника, выславъ за версту впередъ въ авангардъ сотню.

Все время сверху моросилъ мелкій и частый дождикъ.

За деревней Хайгуманзы дорога шла ущельемъ.

По бокамъ возвышались крутыя, высокія горы. 4-й сотнѣ было приказано начальникомъ отряда разсыпаться лавой и продолжать наступленіе. Вскорѣ она была усилена $\frac{1}{2}$ сотней, а сотня подѣсаула князя Магалова двигалась укрыто подъ самой го-

рой въ колоннѣ по три. Пройдя версты 2—3, авангардъ былъ встрѣченъ огнемъ японской пѣхоты, занявшей впереди прекрасныя, стрѣлковыя позиціи.

По приказанію начальника авангарда сотня ротмистра кн. М. слѣшила въ горѣ заняла стрѣлковой цѣпью лѣвую горку, а 4-я сотня того же полка для предупрежденія обхода расположилась на позиціи слѣва, 2-й сотнѣ же было приказано поддержать огнемъ нашу стрѣлковую цѣпь.

Въ это время начальникъ отряда послалъ сотню есаула Власова на рысяхъ, съ приказомъ поддержать въ случаѣ надобности авангардныя сотни, а самъ со штабомъ поскакалъ впередъ, посмотреть, что дѣлается впереди.

Не обращая вниманія на сыпавшіяся кругомъ пули, генераль Ренненкампфъ спокойно отдавалъ приказанія сотнѣ есаула Власова влиться въ правую цѣпь.

Огонь участился.

Уже былъ раненъ въ цѣпи одинъ казакъ и нѣсколько лошадей коноводовъ.

Къ 10 час. перестрѣлка стала стихать.

Японцы, замѣтивъ, что 4-я сотня обходитъ ихъ слѣва, стали отступать, провожаемые залповымъ огнемъ казаковъ.

А вслѣдъ затѣмъ сотни перешли въ наступленіе, имѣя во главѣ 3-ю сотню есаула графа К.

Поднявшись на гребень со штабомъ генерала Ренненкампфа, я *впервые* увидѣлъ японскую пѣхоту, около 2 ротъ, которыя поспѣшно отступали, переходя рѣку въ бродъ подъ огнемъ сотни графа Комаровскаго.

Дѣло въ томъ, что въ этой мѣстности горы покрыты хотя низкимъ, но очень частымъ кустарникомъ, скрывавшимъ пѣшихъ людей. Кромѣ того, дождевыя облака низко опустились и даже закрыли нѣкоторыя вершины горъ, что также мѣшало до сихъ поръ разсмотрѣть даже въ бинокль стрѣлявшихъ по намъ японцевъ.

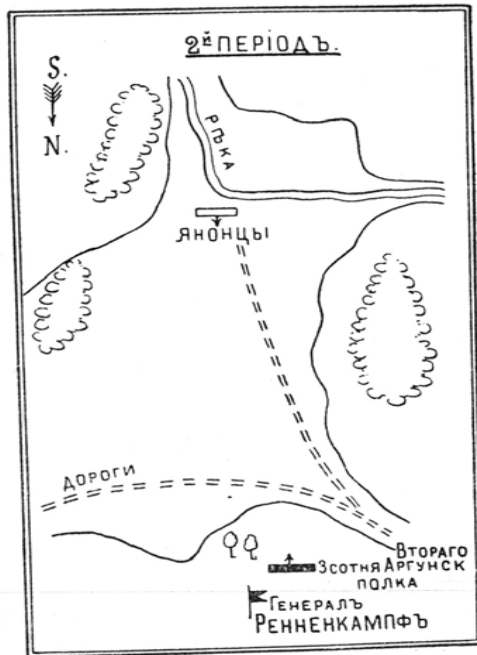
Въ 10^{1/2} ч. утра стрѣльба опять возобновилась, такъ какъ сотня графа К. настигла противника, который занялъ гребень возвышенности позволявшей ему прекрасно обстрѣливать все ущелье.

На помощь графу по приказанію начальника отряда была послана 5-я сотня, которую повелъ подѣсауль М. и 4-я того же полка есаула В.

Миновавъ деревню Вэнь-Цзятунъ, дорога шла по довольно широкому ущелью, которое постепенно суживалось около японскихъ стрѣлковыхъ позицій.

Какъ только показался генераль Ренненкампфъ

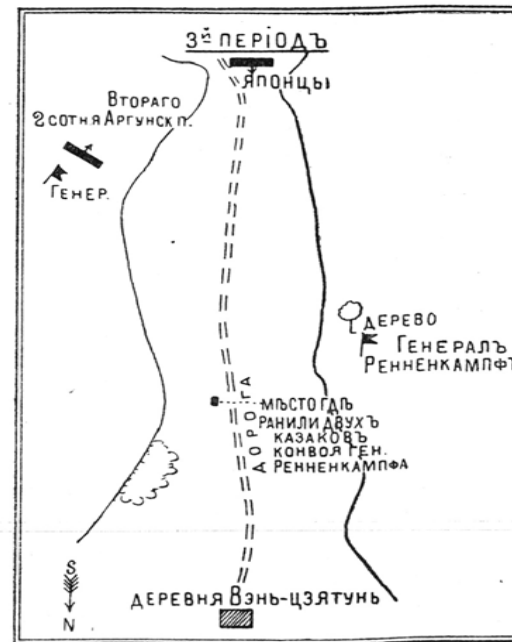
со штабомъ, его сейчасъ встрѣтили огнемъ и успѣли дать по немъ 3 залпа.

Въхавшаго съ нами конвойнаго казака пуля ударила въ подбородокъ.

Всѣ слѣпились и двинулись впередъ подѣ дерево, которое хоть немного могло скрыть насъ отъ

глазъ противника, но не отъ выстрѣловъ, такъ какъ черезъ нѣсколько секундъ японцы ранили 2-го казака и одну лошадь, которая находилась въ 5-ти шагахъ отъ начальника отряда.

Тогда люди и кони были отпавлены влѣво за кусты во избѣжаніе потерь.

Приказавъ штабу остаться и укрыться за деревомъ, генераль вышелъ на открытое мѣсто и сталъ наблюдать въ бинокль японскія позиціи.

Напрасно мы убѣждали его даромъ не рисковать собою, генераль Ренненкампфъ не обращалъ на насъ никакого вниманія.

Тогда всѣ выпли во главѣ начальника штаба полковника Россійскаго изъ за дерева и выстроились рядомъ съ нимъ.

Это средство, повидимому, подѣйствовало, такъ какъ генераль исполнилъ нашу просьбу.

Между тѣмъ впереди стрѣльба, какъ съ нашей, такъ и съ японской стороны достигла наибольшаго напряженія.

Начальникъ отряда вмѣстѣ съ нами пѣшкомъ двинулся впередъ на выстрѣлы.

На лѣвомъ флангѣ, на вершинѣ, гдѣ находилась въ цѣпи 2-я сотня завязалась горячая перестрѣлка. Туда-то и направился генераль.

Съ трудомъ, хватаясь руками за кусты, мы поднялись на вершину, гдѣ залегла наша цѣпь.

Пули со свистомъ, издавая звукъ пи-и-и, летѣли надъ головами и ложились въ долину.

— «Ваше превосходительство, вы бы лучше не торчали стоя въ цѣпи, а то не ровень часъ...» слышу сзади чей-то голосъ.

И не успѣлъ я оглянуться назадъ, чтобы узнать, кто это говоритъ, какъ лежавшій въ цѣпи, впереди генерала Ренненкампфа, казакъ глухо застоналъ — пуля ранила его въ ногу.

Японцы безъ перерыва стрѣляли почти до 1½ ч. дня и наконецъ поддались назадъ.

Прекративъ огонь, казаки опять перешли въ наступленіе, но не доходя д. Дадянъцзы, остановились ввиду дурного состоянія дороги, по которой артиллерія пройти ни въ какомъ случаѣ не могла. Отряду приказано было повернуть назадъ къ д. *Синьцзянзы*, гдѣ рѣшено было ночевать.

Въ этомъ бою съ нашей стороны было ранено 8 лошадей и 7 казаковъ, изъ которыхъ трое въ нѣсколькихъ шагахъ отъ генерала.

На покинутой противникомъ позиціи мы нашли нѣсколько непріятельскихъ ранцевъ и много обоймъ съ патронами.

Хорунжій Батуринъ видѣлъ съ вершины горы отступленіе до 3-хъ ротъ пѣхоты и 2-хъ эскадроновъ японской кавалеріи; при одной изъ ротъ несли до 20 носилокъ съ ранеными.

Но дѣло, по моему, не въ числѣ раненыхъ и убитыхъ, а скорѣй въ томъ моральномъ значеніи для насъ, которое явилось результатомъ боя 3-го мая.

Казаки впервые убѣдились что противника, пре-

восходящаго насъ чуть-ли не въ два раза можно гнать назадъ, да еще какъ.

Я никогда еще не видѣлъ ихъ послѣ боя такими веселыми и бодрыми, какъ теперь, а это тоже что нибудь да значить.

Не даромъ Наполеонъ говорилъ, что $\frac{3}{4}$ успѣха въ бою зависитъ отъ духа войскъ.

Дальше корреспонденціи мои были прерваны, благодаря ранѣ въ животъ, полученной мною въ дѣлѣ подѣ Яй-янь-ямынемъ 15 мая 1904 г. Я никогда, ни однимъ словомъ не промолвился о своихъ боевыхъ дѣйствіяхъ въ корреспонденціяхъ, такъ и теперь слѣдуя тому же принципу по стану описывать свои ратные дѣла и поступка, а позволю себѣ привести выдержку обо мнѣ изъ книги «Годъ войны» П. Краснова, видѣвшаго Яй-янь-ямынскую стычку.

«...Въ дѣлѣ 15-го мая, на правомъ флангѣ сотни Шундѣева, по доброй волѣ, командывалъ разсыпанными стрѣлками молодой сотникъ Толузаковъ. Офицеръ 1 конной батареи, извѣстный писатель, сотрудникъ «Тверской газеты», «Русскаго Слова», «Петербургской газеты» и «Новаго Времени», пылкій, впечатлительный, храбрый и добросовѣстный, онъ выпросился на это дѣло у генерала Ренненкампа на ординарца. Спокойно прислушивался онъ

къ свисту пуль, какъ писатель, наблюдая поле битвы. Съ болѣзненнымъ самолюбіемъ онъ боялся, что его заподозрятъ въ хвастовствѣ, скажутъ, что онъ не былъ въ бою. Всюду онъ былъ впереди — при генералѣ. И у д. Вендзятунь, и у Дапу, и ночью подѣ Шаого. Пули щадили его молодую жизнь, полную силъ и здоровья, и онъ кокетничалъ подѣ ними. Будучи посланъ къ есаулу Шундееву съ приказаніемъ, онъ, узнавъ, что въ сотнѣ, кромѣ уже раненаго командира, нѣтъ офицеровъ, попросилъ разрѣшенія командывать казаками, Шундеевъ, зная, какъ благотворно дѣйствуетъ на забайкальскаго казака присутствіе офицера, разрѣшилъ, и Толузаковъ сталъ на взводъ. Опустившись на одно колѣно, онъ отдавалъ приказанія стрѣлкамъ и какъ артиллеристъ умѣло руководилъ стрѣльбой, опредѣляя дистанціи и указывая цѣли. Отъ его шутокъ ожили, повеселѣли спокойные «пари» и его взводъ отлично стрѣлялъ. — «Вдругъ меня, какъ нагайкой стегнуло, — рассказывалъ мнѣ послѣ Толузаковъ. — Мы уже отступали, шли къ лошадямъ. Мой вѣстовой подаль мнѣ лошадь. Я хотѣлъ сѣсть, но не могъ — лишился чувствъ, дальше ничего не помню... А дальше раненаго офицера увидѣли тѣ казаки, которые такъ восхищались его спокойнымъ командываніемъ. Они подбѣжали къ нему и взяли его на руки, а потомъ тихо понесли по долину»...

Потянулись тяжелые, томительные для меня дни въ Ляоянскомъ Георгіевскомъ госпиталѣ. Вслѣдствіе отсутствія Рентгеновскаго аппарата пулю нельзя было извлечь изъ полости живота, а боли все усиливались и усиливались и только безконечное вниманіе старшей сестры Г-жи Ивановой, да сердечное отношеніе всего госпитальнаго персонала немного облегчали мои невыносимыя страданья.

Черезъ 1½ мѣсяца меня перевезли въ Харбинъ для операціи въ лазаретъ графини Вѣры Густавовны Шуваловой, гдѣ встрѣтилъ столько ласки, такой заботливый уходъ, что до сихъ поръ въ моей душѣ горитъ чувство безграничной благодарности.

Здѣсь мнѣ извлекли пулю, зашили рану и отправили въ Россію для окончательнаго излѣченія.

Тамъ меня поразило уныніе, озлобленіе, желаніе собственнаго погрома, сердце сжалось въ тоскѣ и боли, а въ самой глубинѣ его зашевелился горькій упрекъ обществу. Все это вылилось въ статьѣ «Тяжело раненъ на родинѣ», напечатанное въ «Новомъ Времени». Я привожу и въ своей книгѣ цѣликомъ безъ малѣйшихъ измѣненій, не потому что я и теперь считалъ бы высказанные мною тогда взгляды совершенно правильными—предоставляю это судить читателю, а просто какъ-то жалко подчищать, подгонять къ «духу времени», что было разъ написано искрено отъ всей души.

Тяжело раненъ на родинѣ.

Полтора мѣсяца назадъ меня привезли въ Москву для леченія полученной мною раны внизъ живота. Почти всѣхъ насъ въ Манчжуріи страшно интересовало, что пишутъ, думаютъ объ этой войнѣ въ Россіи. Къ сожалѣнію, газеты попадали къ намъ въ передовые отряды чрезвычайно рѣдко, и если это случалось, то мы, какъ голодные, набрасывались на нихъ и читали все, отъ начала до конца, даже объявленія, по нѣскольку разъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, очутившись въ обществѣ, мнѣ захотѣлось узнать, уловить его теперешнее настроеніе.

И чѣмъ ближе я присматривался къ нему и разспрашивалъ окружающихъ, тѣмъ все тяжелѣе и больнѣе сжималось сердце: я не узналъ общества.

Помню, въ концѣ января мнѣ пришлось быть въ Петербургѣ. Проходя мимо Зимняго дворца, я увидѣлъ на площади множество народа, который кричалъ, волновался, шумѣлъ.